

Образ пуделя в творчестве Державина: Художественный прием и культурная традиция

Т.В.Якушкина

Государственная полярная академия
(Санкт-Петербург)

Ключевые слова: Державин, пудель, собака.

Любовь Державина к собакам общеизвестна. В воспоминаниях С.П.Жихарева описана трогательная история белой собачки, которую поэт всегда держал за пазухой своего халата [Жихарев 1955: 7 дек. 1806]. Другой известный питомец Державина – белый пудель по кличке Милорд. Впервые он упоминается в стихотворении «На разлуку» (1801). В 1807 г. Державин посвящает собаке шуточную оду «Милорду, моему пуделю», в 1808 г. пишет «На памятник прекрасного пуделя». Эти два стихотворения заинтересовали нас своим приемом – называнием собаки по ее породе. Они редко обращают на себя внимание критики, так как все кажется очевидным: был поэт, у него была собака, он посвятил ей стихи. Порода указана, потому что собака была пуделем. Что же еще?

Между тем, несмотря на тождество отображаемого явления, собака без указания породы и собака определенной породы – два совершенно разных по смыслу образа. Порода – это некий сдвиг в образе, представляющий собаку в другой ее ипостаси. Исследователи склонны не замечать, что каждый из образов имеет свою историю и функцию в литературе. Собака – это то, что восходит к мифологии, к животному и природному. Порода всегда связана с человеком и его деятельностью. В отличие от родового «собака», использование породы – это всегда выделение определенных черт, культивированных человеком часто во вред самой природе.

Яркий пример пренебрежения критики этим обстоятельством – комментарий Я. К. Грота к стихотворению «Милорду, моему пуделю». Я. Грот объясняет «графскую», по словам Державина, породу Милорда тем, что он «происходил от одной из собак Екатерины II, на могилах которых высечены эпитафии, «сочиненные самой государыней» [Грот 1866: 397]. Царица действительно сочинила эпитафии на смерть трех своих собак, однако любила и оплакивала она не пуделей, а левреток.

Долгое невнимание художественной литературы, а вместе с ней и критики, к признакам породы не случайность. Вся история сосуществования человека и собаки есть история использования человеком животного в своей хозяйственной деятельности. Породу можно рассматривать как природу в ее предельной освоенности человеком, как природу, подчиненную принципу хозяйственной целесообразности. Работа

человека над формированием тех или иных качеств животного изменила и его отношение к нему: это не страх перед зверем или признание пользы от совместной жизнедеятельности, но осознание своей власти и главенствующей роли по отношению к миру природы. Порода, таким образом, включается в орбиту художественного осмысления мира тогда, когда литература вплотную подходит к проблеме противостояния человека и природы.

В русской литературе становление поэтического анимализма относится ко второй половине XVIII века и связано с расцветом дидактической поэзии. Живой интерес проявлял к ней и Г. Р. Державин, перу которого принадлежат более двух десятков басен. В басне изображение животных целиком подчинено назидательным целям: образы лишены своей природной индивидуальности и используются для осмеяния человеческих нравов. Прием очеловечивания превращает животное в аллегория и делает ненужным обозначение его видовых признаков. Именно такой предстает Собака в басне Державина «Собака и Старуха».

В собственно лирическую поэзию образы животных проникают с большим трудом, по глубокому замечанию М.Эпштейна, «отторгаясь самим существом тогдашнего лиризма, направленным на нечто высокое, сверхчеловеческое» [Эпштейн 1990: 90]. Отдельные образы животных, которые можно встретить в одах Державина, свободны от аллегоризма басни. В них подчеркивается не подобие и близость человеку, а необузданная природная сила. Восторг лирического героя перед красотой и мощью божественных созданий делает основным приемом изображения гиперболу, чем сближает такой принцип изображения животных с ветхозаветной традицией [Эпштейн 1990: 90]. Породе, как проявлению хозяйственного отношения человека к природе, здесь тоже нет места.

Посмотрим на интересующую нас проблему сквозь призму иной культурной традиции – альбомной поэзии.

Интерес к породам собак нехозяйственного назначения начинается в России с Петра I и приобретает характер светского увлечения в период царствования Екатерины II. Как справедливо отмечает Л.Зайонц, «мода на собак сливается с новомодным культом чувствительности, в рамках которого формируется представление о собаке как о сочувственнике и наперснике» [Зайонц 2011: 359]. К собаке начинают относиться, как к человеку: ее наряжают, стригут, она спит на хозяйских подушках. Повышенной популярностью в этой связи пользуются те породы, которые соответствовали этим требованиям новой моды, так называемые «постельные собачки»: левретки, мопсы, шпицы, болонки. Особое место в культе «друга человечества» отводится смерти. По поводу кончины собаки скорбят, как по смерти человека. Ей сочиняют эпитафии, которые вырезают на могильных камнях. При Екатерине был введен обычай и устраивать для собак специальные кладбища. Как истинный друг собака увеко-

вечивается на парадном портрете своего хозяина, появляются и ее самостоятельные портреты. Это не только дань выражения любви к своему питомцу, но и заявление о собственной привязанности к миру природы.

Из Европы приходит мода на восхваление питомцев в альбомах. Если в дамских альбомах этого времени, по наблюдению Г.Хаммарберг, «стихи были посвящены постельным собачкам или канарейкам и представлены малыми жанрами такими, как краткое посвящение или подпись под рисунком по принципу «чем мельче, тем лучше», то в мужских альбомах преобладает описание более крупных собак, чаще всего охотничьих, или лошадей, также как преобладают более торжественные жанровые формы – надгробная песня и панегирик» [Hammarberg 2014]. В такой литературе использование породы не редкость, ведь авторы выступают, прежде всего, как владельцы собак, видовые признаки которых им хорошо известны. Поэтизация общеродовых качеств собаки, верности и преданности, сочетается здесь с превознесением ее видовых достоинств. То же встречаем и у Державина, однако тексты, где используется порода¹, носят шутливо-ироничный характер. И это неслучайно.

Стихотворение «Милорду, моему пуделю», как того требует ода, начинается с восхваления верности и дружбы собаки. Поэт обыгрывает известный анекдот о Диогене: как в глазах философа сам Александр Македонский – просто человек, когда речь идет о философии, так в глазах собаки все люди равны, когда речь идет о покое ее хозяина. Собака подобна философу, т.к. не знает преклонения перед властимущими. Это главный вывод, который вытекает из сравнения.

Мир людей и мир животных не сталкиваются, однако пудель для поэта – это повод задуматься о человеке. Образ пуделя не является иносказанием человека, он – карикатурное отражение всего мира людей. В его экстерьере, особенностях содержания поэт находит множество человеческих типов. Своей осанкой пудель напоминает вельможу, мордой и шерстью – волокиту или хватата; его стрижка отражает суть мота: любит пускать пыль в глаза, не имея за душой ни гроша. Образом жизни он ничем не отличается от сибарита, а своим интересом к сукам напоминает султана. Даже в свойственной пуделям любви к аппортировке поэт видит услужливость камердинера.

Порода для Г. Р. Державина, таким образом, – это задавленность природного² человеческим. Показательна в этом отношении разница в тоне и заглавиях двух стихотворений, написанных по одному поводу: «На могилу милой собачки» и «На памятник прекрасного пуделя». Сохраняя классицистическую «надменность» (Эпштейн) и едкую иронию по отношению к пуделю, поэт исполнен мягкого лиризма в отношении к беспородной собачке.

¹ См. также «На смерть собачки Милушки, постельной собачки»

² Единственный звериный мотив в описании пуделя – мотив льва в характеристике шерсти.

Литература

Жихарев С.П. Записки современника / С.П.Жихарев. – М.-Л.: Изд-во Акад. наук, 1955. – 837 с.

Зайонц Л. Писал писачка, а имя ему собачка (К происхождению субтекста в «Записках сумасшедшего» Гоголя) / Л.Зайонц // Пушкинские чтения в Тарту. – Вып. 5. Пушкинская эпоха и русский литературный канон. – Тарту, 2011. – С. 357 – 376.

Сочинения Державина с объяснит.примеч. Я.Грота. – СПб.: Имп. Академия наук.

–
Т. II, 1865; Т. III, 1866.

Эпштейн М.Н. «Природа, мир, тайник вселенной...»: Система пейзажных образов в русской поэзии / М.Н.Эпштейн. – М.: Высш. шк., 1990. – 416 с.

Hammarberg G. Russian Album Culture: Penmanship, Play, and Pets. – URL: <http://www.curri.miyakyu-u.ac.jp/curri-ex/pub/maca/rep02/hammarberg.html> (дата обращения 29.10.2014).